

РЕЦЕНЗИИ

=====REVIEWS=====

Размышления об апофатике русской культуры.

Рецензия на книгу М. Лаврентьева «Весь я не умру...».

М.: Вест-Консалтинг, 2021. 188 с.

© 2022 М.А. Дударева, Д.Г. Бронников

Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук,

доктор культурологии,

доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка,

Российский университет дружбы народов

Бронников Денис Геннадьевич, старший преподаватель кафедры русского языка

как иностранного Института Международного образования.

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина

Москва, Россия

Размышления о смерти, проговаривание этой темы в Логосе всегда потенциально опасны даже для самого исследователя, ведь *volens polens* он не просто приобщается ко всему потустороннему, но и погружается в него — имажинативно. Обратимся к этому понятию, которым пользовались и немецкий философ Р. Штейнер и русский философ Я. Голосовкер в своей книге «Имагинативный абсолют». Имагинация — высший образ, Абсолют культуры, и поэтому образ смерти, имагинация смерти — тоже высший Абсолют. Художественный образ смерти — тем более, поскольку он дан (художнику) апофатически и пророчески, как *высшая реальность*. Он не придуман (в литературе в принципе ничего придумать нельзя, и с этим исследователь должен смириться), он восчувствован теургически и теогонически одновременно поэтом, писателем. Вспомним известную формулу символиста Вячеслава Иванова: *realibus ad realiora*. Именно на таких культурологических позициях стоит автор интересующей нас книги, писатель и культуролог Максим Лаврентьев. Неслучайно он вынес в подзаголовок своей работы: «предчувствия и пророчества русских поэтов». Конечно, речь идет о предчувствии конца, об образах смерти, но в русском космо-психо-логосе парадоксально то, что смерть лишь дверь в *Другое*, «не конец, а начало судьбы» (строчки из стихотворения «Последний язычник» Наума Коржавина). И Максим Лаврентьев, обращаясь к лиминальным, всем пограничным состояниям в поэзии Г.Р. Державина, Е.А. Боратынского, М.Ю. Лермонтова, В. Хлебникова и прочих художников слова, по существу, всегда заглядывает за эту дверь (смерти), преодолевает эту точку перехода — и пишет о *бессмертии*.

Интересно с онтологических позиций наблюдение исследователя о хрестоматийном стихотворении М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...»: «“Кремнистый путь” — это не что иное как мерцающий в ночном небе звездный Млечный путь, вмещающая Богу пустыня — пустота космоса над нашими головами» (с. 81). Но важно то, что этот «кремнистый путь» проходит через всю русскую словесность, прошивает ее красной нитью (см. статью культурологов В.П. и Ж.Л. Океанских «“Млечная дорога” — от Пушкина к Бальмонту»), то, что на земле, то и на небе — дорога превращается в *путь* (как «зимняя дорога» в известном стихотворении А.С. Пушкина). У другого поэта — Велимира Хлебникова, тоже певца звезд — мы находим следующие строчки в поэме «Каменная баба»: «И это я забился в сетях // На сетке Млечного Пути». Однако мы должны помнить одну вещь (и это проявляется в разных культурных традициях): при возникновении такой сакральной реальности, или иерофании, выражаясь языком философа М. Элиаде, мы попадаем в безвременье, то есть время пропадает и преобразуется в пространство. М. Лаврентьев, хорошо знающий творчество Хлебникова, тонко подтверждает это примером из его писем: «Чувство времени исчезает, и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством» (с. 101). Здесь можно также говорить об апофатической традиции, о столкновении дня и ночи, о мифологеме вневременности, которую мы находим во всех мировых культурных традициях, в суфизме, в буддизме, в даосизме.

В русском национальном бытии, в русском фольклоре мы обнаруживаем феномен *лазоревых цветов*, купальских обрядовых цветов, которые связаны с выходом из лиминальности, с проры-

вом *от тьмы к свету*, и стоит в этом случае обратить внимание на то, что лазоревое цвета как такового в природе нет, он состоит из разных цветов и тонов. Лазоревый представляет из себя *цвет-свет*. И в этом контексте кажется неслучайным образ лазоревой урны в стихотворении Е.А. Боратынского:

Нужды нет, близко ль, далеко ль до берега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду; мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной!

И дело не столько в том, что Фетида — морская нимфа, достающая жребий (судьбы) из моря, которое можно представить как лазоревую (в средиземноморском районе в солнечную погоду) урну, сколько в самом цвете-свете. Лазоревый — тихий мягкий свет, который возникает при столкновении дня и наступающей ночи. В античной культуре, греко-римском комплексе, апофатичен сам Свет, *locus amoenus*: в Средиземноморье сумерки не совсем такие, как на севере, это краткий миг света, «свет тихий». И случайно ли, задается вопросом М. Лаврентьев, что эти стихи стали последними предсмертными для Боратынского? Конечно, нет. Поэт всегда остро предощущает свою смерть, и это можно объяснить только профетически и апофатически — это своего рода апофатика, *непостижимое* художественного процесса, феномен (ноумен) бытия художника слова.

Конечно, у каждого автора своя апофатика, но так или иначе она проявляется в профанной длительности дней обычно на пороге бытия, когда человек близок к смерти. Особенно ярко это представлено, как показывает автор книги, в жизни и жизнью поэта-символиста Андрея Белого, предугадавшего свою смерть от «солнечного удара»:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

В книге Лаврентьева речь идет об авторах конца Нового времени, которое, стоит отметить,

зонично в своей длительности, и это особенно заметно, когда мы размышляем о художественном космосе русской культуры. Смена эонов (или оламов, по С.С. Аверинцеву) характеризуется существенной трансформацией представлений о категориях «жизнь» и «смерть»: человечество, находясь в поиске физического бессмертия, с одной стороны, идет по пути развития цивилизации, технического прогресса, с другой стороны, погружается в кризисологическое состояние, утрачивая сакральность представлений о смерти; по мысли современного философа Н.А. Хренова, «трансцендентное восприятие бытия угасает». Однако художники слова, даже находясь в самых трудных жизненных ситуациях (лишений, гонений), не переставали служить Логосу. Особенно хорошо это видно по биографиям поэтов, чей творческий путь пришелся на советское время (Н. Заболоцкий, Н. Рубцов) — время противоречий, ориентированное, с одной стороны, на культуру повседневности, а с другой — полетов в космос, устремленности в небо. И в этой дуалистичности также проявляется апофатика, то есть непостижимое культуры — непостижимое с точки зрения рациональной, но восчувствованное художественно:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

И снова здесь возникает образ-символ звезды, которая является судьбоносной для лирического героя Рубцова. Круг замыкается — эон Нового времени со своими представлениями о смерти, со своим звездным диалогом (лермонтовским, пушкинским) заканчивается здесь, ризомно мерцая в рубцовой «Звезде полей»:

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли...

В своей известной работе «Конец Нового времени» философ Р. Гвардини «отодвигает» верхнюю границу этого эона, связывая конец Нового времени с Первой мировой войной, с вырождением христианской сакральной культуры, с изменением человеческого бытия. Он пишет о том,

что человек начал ощущать неустроенность бытия (ср. с высказыванием О. Мандельштама из работы 1922 года «Конец романа»: «Ныне европейцы выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз»). Однако художники слова при всей внешней неустроенности, тяготах жизни продолжали *лететь, в звезды врезываясь, думая о вечном*, воссоздавая в своем творчестве

этот «кремнистый», то есть Млечный Путь русской культуры. Книга Максима Лаврентьева — мозаика, фреска духа автора, который по крупинкам собрал в космосе русской словесной культуры конца Нового времени этот звездный путь, энтелехийно соединяющий и прошлое, и будущее.